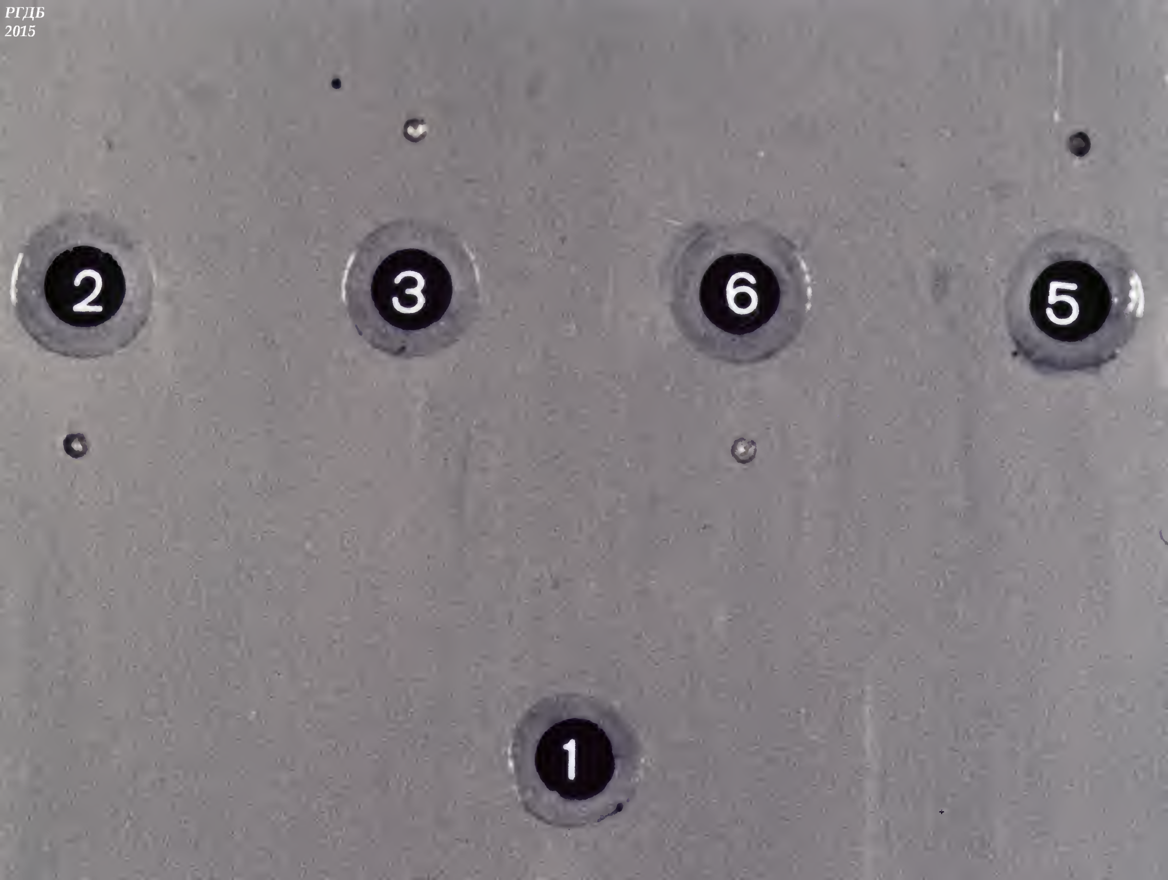

2
3
6
5
1

Ф. КАНОНИДИС
ШАРЫ НАД ГОРОДОМ
Производство студии „Диафильм“, 1954 г.

Художник Ю. Ракутин

Редактор Е. Кавтиашвили

Художественный редактор А. Морозов

Жара такая, будто солнце все свои лучи направило на один этот город. Дышать нечем. Всё замерло от зноя.

Магазины, кафе, рестораны, даже ларьки – и те закрыты. Владельцы их покинули удушливый город.

Зато на пляже у моря яблоку негде упасть: весь берег покрыт голыми телами. Одни нежатся в тени зонтов и навесов, другие плещутся в прохладных волнах лазурного моря.

В пекарне господина Казанджи, где работает дядюшка Петро вместе с Фоти, ещё жарче, чем на улице. Дядюшка Петро только что посадил тесто в раскалённую печь и хотел было умыться, но воды в кране не оказалось.

—Фоти, дорогой, сбегай к колонке, набери воды, — попросил он, вытирая краем фартука пот с лица.

Схватив вёдра, Фоти выбежал из тёмного подвала. Солнце резало глаза. Стены и крыши домов, камни мостовой — всё отражало блеск солнца и излучало тепло.

Фоти, упрямо тряхнув чубом, бегом направился к колонке, возле которой уже стояла длинная очередь.

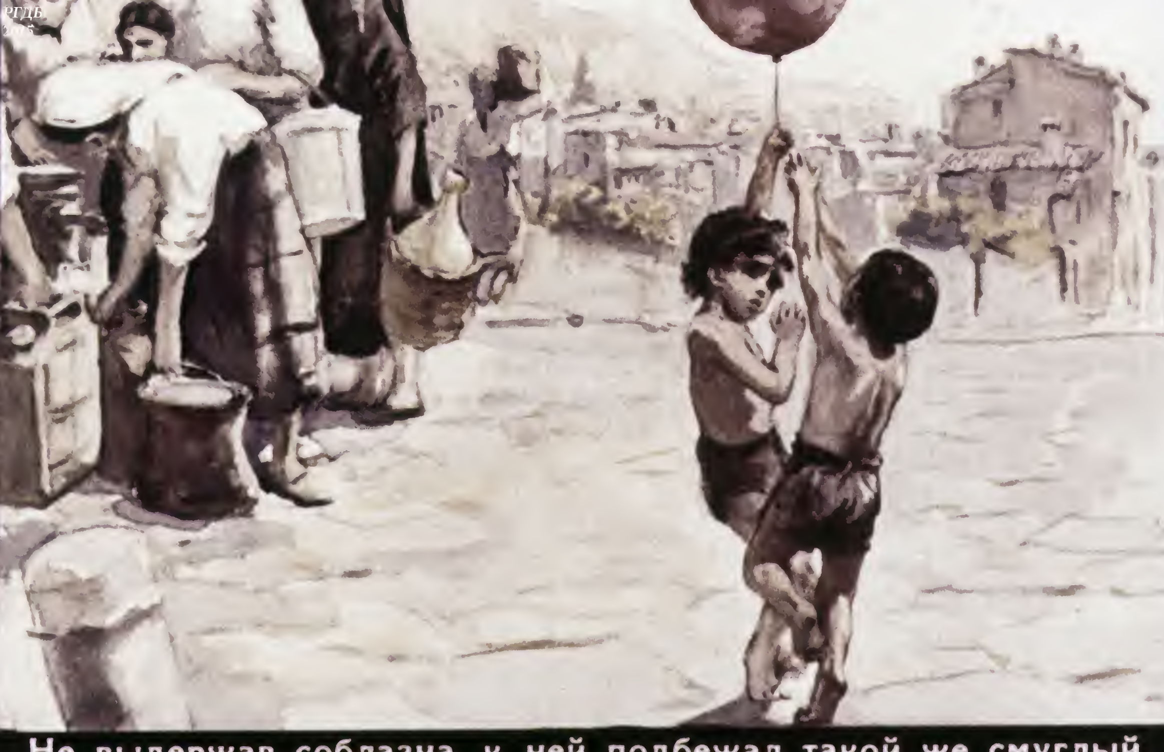
Возле худой женщины с медным кувшином, начищенным до золотого блеска, вертелась девочка лет пяти в стареньких тёмных трусиках, почти сливающихся с её загорелой кожей.

Кроме этих застиранных трусиков, на девочке ничего не было, но она считала себя обладательницей огромного сокровища: сегодня, в день её рождения, отец подарил ей красный воздушный шарик.

Вся очередь любовалась лёгким прозрачным шариком, который девочка то отпускала далеко от себя на длинной нитке, то бережно прижимала к загорелому животику.

Не выдержав соблазна, к ней подбежал такой же смуглый, как она, мальчуган. Он был ниже ростом и, подпрыгивая, старался выхватить ниточку шара из рук девочки.

Девочка отбивалась, поднимала руку с ниткой, мальчуган пыхтел, тянулся вверх, и вдруг нитка ускользнула из рук, и шарик стремительно понёсся в небо.

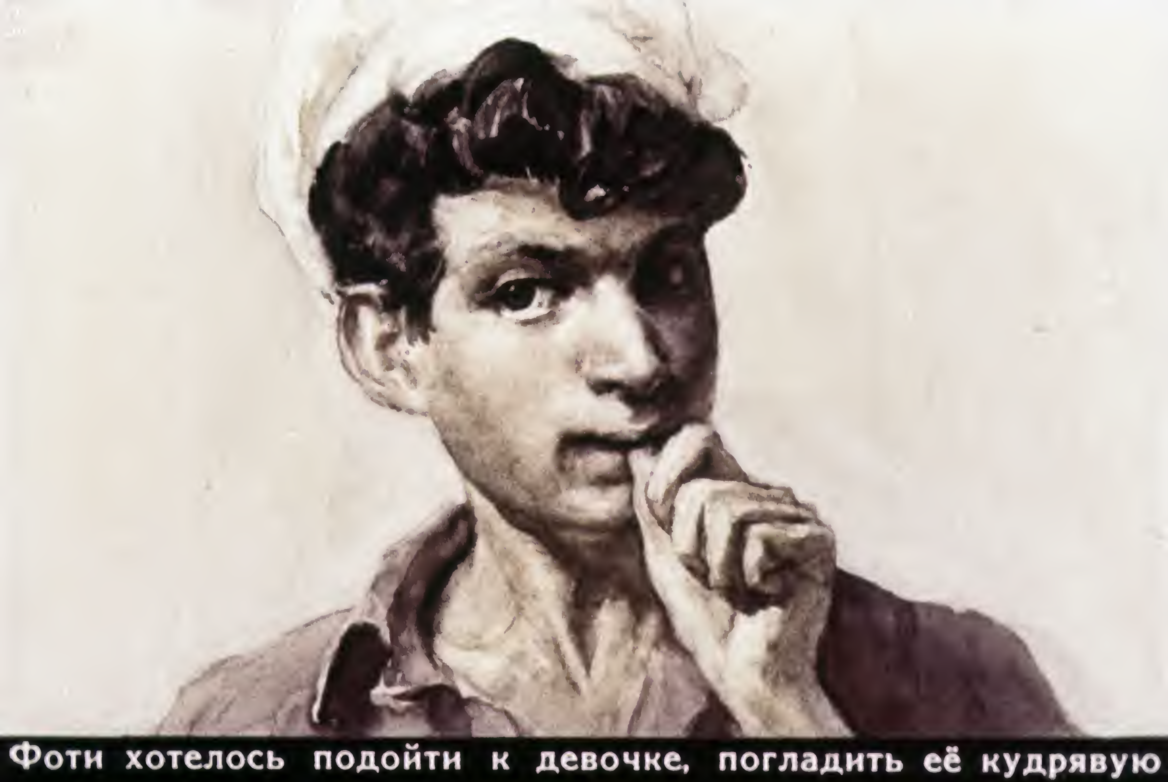
Дети, откинув назад головы, смотрели, как он летит всё выше и выше, и ждали: может, он, как мячик, упадёт на землю? Тогда можно схватить его, лишь бы добежать первым.

Но шар летел всё выше, и, когда скрылся совсем из виду, глаза девочки наполнились слезами, и она разрыдалась.

Виновника несчастья и след простыл, а маленькую именинницу ничем не могли успокоить. Не помог и липкий леденец, который протянула ей старуха соседка.

Фоти хотелось подойти к девочке, погладить её кудрявую голову, пообещать принести завтра точно такой же шарик, но, вспомнив что-то серьёзное, он сдержал свой порыв.

Тем временем подошла очередь, Фоти набрал полные вёдра воды и, стараясь не расплескать её, понёс в пекарню.

– Что мне в голову пришло, дядюшка Петро,– сказал он, поставив вёдра на пол. И Фоти изложил свой план.

–Пожалуй, ты хорошо придумал,– одобрил старик.– Только шары покупай в центре да подговори кого-нибудь из ребятишек. Самому нельзя покупать.

Вечером, когда зашло солнце, Фоти окончил работу, умылся надел чистую рубаху и отправился в город.

Глухой переулок, в котором находилась явочная квартира подпольщиков-эпонидов (Антифашистский союз молодёжи Греции), он нашёл почти ощупью.

Доксула и старый друг Фоти Митро уже ждали его. План всем понравился, и они принялись за его осуществление.

На следующее утро у колонки опять стояла длинная очередь. Женщина с медным кувшином держала за руку свою маленькую дочку.

Девочка вертелась во все стороны, то и дело поглядывая вверх: не прилетел ли шарик назад?

– Ма-а-ама! – вдруг закричала она. – Смотри, смотри же, мой шарик!

Все взглянули на голубое небо. Вздох восхищения вырвался у людей, стоявших в очереди, будто вздохнула одна большая грудь. – „Смотрите! Смотрите!..“

В небе медленно плыли три больших красных шара. Под ними были подвешены три больших плаката. На каждом был нарисован белый голубь и чётко выведены слова: МИР! МИР! МИР!

Голуби плыли над окраиной, плыли над городом. Люди поднимали головы, лица их светлели, глаза улыбались.

–Мир! Кто это придумал? Вот смельчаки!

В это самое время Фоти и дядюшка Петро грузили хлебом тюремную машину.

Жандарм, сопровождавший машину, соблазнившись, отломил горбушку от одной булки, надкусил и ... замер.

Глаза его, устремлённые вверх, готовы были выскочить из орбит: жандарм увидел плакаты.

Сорвав с плеча винтовку, он стал палить в небо. Он стрелял, ругался, снова стрелял, но не мог попасть и ещё больше злился.

А красные шары медленно, будто дразня его, проплывали высоко над крышами домов.

Многозначительно подмигнув пекарям, шофёр грузовика крикнул: „Палите, господин жандарм, палите в белый свет, как в копеечку!

За ваши патроны очень дорого уплачено дяде Сэму! Лучше садитесь скорее в машину, а то опоздаем!“

И шофёр рванул грузовик, дав сразу третью скорость, так что жандарм едва успел вскочить на подножку.

А крылья утреннего ветра, дующего с гор, несли шары уже над морем, над гаванью, где стояли иностранные корабли.

Вдруг грянул залп. Казалось, что в безоблачном небе загрохотал гром. Белые клубочки разрывов возникли рядом с красными шарами.

Это стреляли с американских кораблей, которые рыщут по чужим морям и чувствуют себя хозяевами во всех портах Греции.

Плакаты с голубями дрогнули, качнулись, но не упали: взрывной волной их отбросило далеко вверх и в сторону моря.

Фоти и дядюшка Петро, переглянувшись, молча вошли в пекарню продолжать свою работу.

Конец

диафильма

Студия „Диафильм"

Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Д-165-54